

ДАРЬЯ
КАЛИНИНА

*Тени
яблоневой
аллеи*

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К17

Редактор серии *Л. Латышова*

Оформление серии *А. Коровиной*

Калинина, Дарья Александровна.

К17 Тени яблоневого аллеи / Дарья Калинина. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-04-247162-9

Три закадычные подружки берутся за новое дело!

В дачном поселке «Лесная сказка» август бьет рекорды по урожаю, а у обитательницы уютного дома Оленьки — настоящая катастрофа: две сотни юных петушков начали... исчезать. Вор, действующий с поразительной ловкостью, уносит самых голосистых певцов, не оставляя следов.

Вместе с верными подругами — практичной Светланой и творческой Катюшей — Оленька решает устроить засаду. Но вместо вора подруги находят на соседском участке поэтессу с пробитой головой, а все улики указывают на Оленьку. Отныне ей приходится не только защищать остатки петушиного поголовья от таинственного похитителя, но и доказывать свою невиновность в покушении на убийство. Подруги выясняют, кто же орудует под покровом ночи: обиженная поэтесса, странный знакомый или говорящая ворона-сквернослов.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Калинина Д.А., 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-247162-9

ГЛАВА 1

Август в этом году выдался поистине замечательный. Придаться не к чему. Днем стояла изумительная, теплая и солнечная погода, а дожди выпадали в ночное время. И, словно бы по расписанию, шли они четко раз в неделю, исключительно на будних днях, чтобы не потревожить отдыхающих после трудовой недели граждан. Да и все прочее выглядело так, как будто бы сама природа хотела помочь осуществлению планов всех садоводов-огородников: собрать наилучший в их жизни урожай.

Но урожай ведь такая двоякая штука. Как бы и хорошо, что он есть, но, с другой стороны, его еще нужно как-то собрать и сохранить. И каждый новый день бросал садоводам свои вызовы. Все, что успело завязаться в прохладном июне, подрасти в жарком июле, теперь в теплом и мягком августе успешно доспевало, дорастало, набирало вкус и размер. И, того гляди, могло перерасти и испортиться прямо на грядке.

И люди, покачивая головами, делились друг с другом радостью:

— Год какой урожайный! Давно такого не было.

Ветки деревьев и правда гнулись под тяжестью поспевающих плодов. И не только яблони постарались, не отставали от них и груши с черешнями. И даже капризные сливы, которым вечно то холодно, то монилиоз у них, и те впервые за многие годы вспомнили о том, что они вообще-то не просто для красоты высажены, чтобы по весне радовать хозяев своим цветом, но еще и для того, чтобы к сентябрю люди смогли угоститься спелой сладкой сливой с дерева, а также наварить повидла впрок.

Так что каждый день у Оленьки начинался с ревизии плодовых насаждений. Она всякий раз надеялась, что за ночь ее деревья кто-нибудь обтрясет и, выйдя, она не обнаружит на них ни одного плода, говорят, случалось раньше такое. Но ей то ли не везло, то ли урожай у всех было завалился, никому он был и даром не нужен. Несмотря на некоторое количество паданцев, прибавившихся на траве, на ветках деревьев количество плодов, казалось, не убывало.

И возвращаясь домой, бедная Оленька тихо приваливалась к стеночке и в отчаянии шептала:

— Нет, не смогу. Не осилю! Не успеть мне переработать этукую пропасть!

Да что там переработать! Собрать такой богатый урожай и то было затруднительно.

— Пропадет же все! Как быть?

Она пыталась позвать дочь с зятем на помощь, но те отговорились поездкой на море. Оленьку это возмутило до крайности.

— Нашли тоже время в море плескаться! Тут у матери урожай гибнет, а им все лишь бы хихоньки да хахоньки!

Впрочем, в том, что родная дочь ей в битве с урожаем не помощник, Оленька убедилась еще на этапе белого налива. Яблоки этого сорта поспевали в ее саду самыми первыми. Их было так много, что дерево из зеленого превратилось в нежно-белое. Каждое спелое яблоко казалось вырезанным из слоновой кости, так красиво, что хоть на выставку посылай.

Оленька обожала компот из белого налива, настоявшись, он напоминал по консистенции кисель. Он был густой, тягучий и так славно благоухал летом. Яблоки в него требовалось отбирать небольшие и твердые, такие яблочки помещались в трехлитровую банку целиком, а к зиме они набирали в сиропе чудесный вкус и аромат, так что поедались целиком, одна палочка от них и оставалась.

Да и свежими плоды этого сорта тоже хороши. Тонкая кожица просвечивала на солнце, внутри чувствовалась нежная и ароматная сахаристая и в то же время сочная мякоть. Цвет яблок на дереве варьировался от светло-зеленого до

нежно-золотистого. Но брать нужно было лишь те яблочки, которые были почти белыми. Они были самыми вкусными. Но вот беда, храниться не могли совершенно. Неделя-две — и замечательный вкус терялся, сахар уходил, забирая с собой и сочность, прекрасное яблоко превращалось в картошку.

— Срочно забирайте яблоки! — требовала Оленька от молодых, когда от банок с компотами у нее уже рябило в глазах. — Я уже больше не могу их видеть. Каждый день по килограмму съедаю, а их все больше. Спасайте меня!

Молодые к ней приехали, послушно обобрали несколько веток, с них собралось четыре ведра, с которыми они и намеревались смыться.

Оленька своим телом преградила им дорогу.

— А остальные кому? Тут с дерева еще десять ведер наберется. Забирайте все!

— Мама, да куда нам столько?

— Раздайте!

— Где? Кому?

— Людям!

— На перекрестке стоять будем? Или на рынок с товаром предлагаешь отправиться?

— Знакомым в подарок отдайте. Соседям! Родственникам!

Но молодежь что-то кататься по родственникам с ведрами яблок не рвалась. Не казалась им такая идея привлекательной. Насилу удалось уго-

ворить, чтобы передали пару ведер давнишним знакомым Оленьки, ее бывшим коллегам по детскому садику.

Но те в ответ позвонили, и хоть поблагодарили, но также намекнули, что «белый налив» они взяли, но теперь рассчитывают на ответную любезность уже от самой Оленьки. Одна подруга требовала, чтобы у нее забрали груши, когда те поспеют. Вторая настаивала, что ведро белого налива равно по сумме двум ведрам осенних яблок.

— Антоновка и «осенняя полосатка» тебя ждут, — заявила она. — Так что готовься, Оля. В сентябре зять привезет!

Но Оленька не испугалась. Ведь до сентября еще нужно было дожить. Пока что после битвы с белым наливом требовалось пережить основную августовскую страду садовода. Оленька даже позвонила мужу, но Слава лишь рассмеялся в ответ. У его матери в саду было шесть яблонь, и каждая в этом году решила идти на рекорд по урожайности.

— Сам не знаю, куда от урожая уже деваться. На работу таскаю, там мужики потихоньку едят. Но еще и твои, извини, Оля, не потянем.

Так что по факту Оленьке пришлось встать на борьбу практически в одиночку. Немножко помогали подруги. А точнее, козы, которых держала Светлана. И еще на подмогу неожиданно пришли цыплята, которых купила сама Оленька. По зна-

комству ей удалось в мае месяце купить суточных цыплят с птицефабрики. За три коробки, полных копошащихся желтых шариков, Оленька отдала несчастные пятьсот рублей. Коробки были невелики, но цыплята сидели там в несколько слоев. И когда Оленька дома высыпала бедняжек из коробок, то они рассыпались по всей поляне настоящей живой волной.

Все цыплята были петушками, и тому была веская причина, которой и поделился с Олей ее знакомый.

— Знаю, баба ты хорошая, потому отдал бы тебе их просто так, но не могу. Примета такая: чтобы живность прижилась, нужно за нее денежку дать. Вот ты мне и дай на бутылку, дай, не торгуйся, потому что иначе всем этим малышам придет полный каюк, потому как они все петушки, а птицефабрике нужны одни лишь несушки. Если сегодня не возьмешь, то завтра их спрессуют, заморозят и на корм собакам или змеям продадут.

Оленька ужаснулась при мысли, что столь юные живые души, не увидев даже солнечного луча, отправятся в мясорубку, тут же купила всех. Так во владении Оленьки оказалось две сотни совсем юных и очень подвижных петушков, которые исправно росли, набирались сил и, как все мальчишки-подростки, очень хорошо кушали. Зерновая смесь исчезала из их кормушек так быстро,

что иногда Оленьке казалось, она их и не кормила вовсе. Яблоки расклевывались мгновенно, стоило Оленьке отвернуться. Но яблок было так много, что иногда даже прожорливые петухи не справлялись с ними за один присест.

Катюша приходила полюбоваться, приносила яблоки из их со Светланой сада и неизменно облизывалась на петушков.

— Вкусные, наверное, будут, — шептала она, любовно поглядывая на птичек. — На яблочках выросли. Ароматные. Когда пробовать-то их будем?

Но Оленька все время откладывала этот момент. Она понимала, что развязка неизбежна, но все равно не могла заставить себя зарубить хотя бы одного драчуна.

— Катя, не приставай. Я не могу их тронуть. Мне их жалко. Да и маленькие они еще какие-то. Что там есть-то?

Петушки за три месяца и впрямь выросли незначительно. Самые крупные весили по полкило, граммов по семьсот. Соседки, которые держали бройлеров, приходили полюбоваться и смеялись над ней.

— У нас уже вторая партия подрастает. А ты все еще первую до ума довести не можешь.

Их бройлеры вырастали до двух-трех килограммов всего за полтора-два месяца. А Оленькины петушки все еще выглядели как двухнедель-

ный бройлер. Да и те, признаться, были покрупнее.

Добрая Катюша пыталась подбодрить подругу:

— Зато, считай, даром достались, да, Оля? Может, хоть бульон с них попробуем? Нам на бульон двух-трех птичек должно хватить.

Оленька от таких разговоров мрачнела и замахивалась на Катюшу кухонным полотенцем, пустым ведром, а то и тяпкой, в зависимости от того, что держала в руках. Пока что ни один из птичьей оравы не пострадал от руки своей хозяйки. И Оленька сильно сомневалась, что когда-нибудь у нее хватит духу прикончить хотя бы одного из своих птенчиков.

— Что я за идиотка? Ведь я не могу держать их вечно. Зима скоро. Надо с ними что-то решать.

И вот сейчас она в задумчивости обзревала свой птичник. В последнее время ей вдруг стало казаться, что птичек вроде как стало поменьше. И сегодня она взялась пересчитать их всех. Она провела за этим занятием без малого три четверти часа, но желаемого результата так и не добилась. Петушков оказывалось то сто пятьдесят, то вдруг число их сильно переваливало за две сотни.

Оленька считала, пока у нее ум за разум не зашел.

— Триста двадцать один, триста восемьдесят девять... Тыфу ты! Их всего было двести штук!

Падеж среди цыплят случился только на начальном этапе выращивания. Сначала какая-то неведомая куриная хворь, которую не смог опознать даже ветеринар, скосила десяток малышей. А возможно, их просто придавили в чрезмерно плотно утрамбованных коробках более сильные и взрослые товарищи. У маленьких цыплят каждый день важен. Новорожденный очень сильно отличается от суточного, прожившего уже двадцать четыре часа товарища, и весом, и пушистостью. Один другому не конкурент.

Оленька в те дни горько оплакивала каждую потерю, но понимала, что слишком мало общалась с цыплятами, чтобы суметь навредить им. Но следующий падеж случился через пять дней, и тут уж Оленька поняла, что вина лежит полностью на ней. Она заметила, что несколько цыплят выглядят как-то невесело, но не предприняла никаких мер. Нужно было их изолировать, напоить антибиотиком, дать лекарство от паразитов. Хотя бы водички с марганцовкой налить. А она махнула рукой и положилась на авось. Итогом стали павшие бойцы в числе двенадцати особей. Остальные приняли лекарство и выкарабкались, а Оленька навсегда усвоила горький урок: с маленькими птенчиками нельзя полагаться на

волю случая, нужно держать руку на пульсе двадцать четыре на семь.

Но дальше все как-то наладилось, прописанные цыплятам лекарства и витаминные добавки помогли окрепнуть, и больше ни одного петушка Оленька не потеряла. Во всяком случае, так ей казалось. Но конечно, чрезмерно шустрые и подвижные птички могли и удрать из своего вольера. И даже сказать честно, они несколько раз удирали. Иногда поодиночке, иногда организованными группами. Но тут уж за дело принимался Калачик, который с самого первого дня самовольно назначил себя главным по петушкам.

Песик вспомнил о том, что в его жилах течет кровь пастушьих собак, он дневал и ночевал возле вольера и буквально не знал ни единой минуты покоя. Оленьке даже начинало казаться, что ее дорогой Калачик несколько схуднул с тела. Под пышной шубкой нельзя было точно понять, а взвешивать себя Калачик не позволял. Но все же Оленька думала, что она прощупывает ребра, до которых прежде было не добраться. И как-то положив руку на спину Калачику, она обнаружила острые выпирающие позвонки.

Визит к ветеринару успокоения не принес. Анализы у собаки оказались в норме, но во время визита в клинику Калачик так нервничал, как еще никогда с ним не бывало.

Петр Семенович, их ветеринар, даже слегка огорчился.

— Он так и рвется прочь из моих рук. А ведь мы с ним старые друзья. Чем же я мог так сильно его обидеть?

Но все объяснялось чрезвычайно просто. Калачик рвался назад к своим подопечным, песик был свято уверен, если не будет денно и ночью следить за всей оравой, то обязательно что-нибудь да случится. Например, снова сбегут. И тогда нужно будет громким лаем поднимать тревогу и загонять беглецов назад на место. И все же, несмотря на все старания Калачика сберечь петушинное поголовье, птицы стало значительно меньше.

Сбившись в очередной раз со счета, Оленька отправилась в дом и принесла оттуда коричневый маркер, которым принялась рисовать цифры на белых спинках у петушков.

— Один, два, три...

Дело пошло на лад. Вскоре число перевалило за сотню, и Оленька обнаружила, что в ее стаде существенная убыль. Теперь куриное стадо недо-тягивало даже до полутора сотен.

— Сто сорок восемь. Куда же делись все остальные? Их должно было быть под сто восемьдесят.

Ни павших тушек, ни перьев, ни крови нигде не было видно. Значит, вывод напрашивался один: петушки удрали. Оленька поняла, что не-

обходимо найти лазейку, через которую птенцы и удирали. Она чуть ли не на коленях обыскала весь вольер, но ничего похожего на лаз не обнаружила. Улететь птицы не могли, верх был затянут сеткой от хищных птиц, в том числе и от ворон. Соседские коты тоже были бы не прочь полакомиться нежным цыпленком, но их отпугивал все тот же верный страж Калачик.

Единственный кот на всю округу, которому позволялось приходить к цыплятам, был Феодор — кот Светланы. Ему по старому знакомству было разрешено сидеть рядом с Калачиком и наблюдать через сетку за суетой птичек. Остальным котам и кошкам поселка строго-настрого возбранялось даже такое невинное удовольствие.

И вот теперь, невзирая на все меры безопасности, убыток был налицо. И Оленька пошла жаловаться подругам. Те ей сначала не поверили.

— Куда они могли деться? Мы белых петухов, бегающих по дорогам в поселке, не замечали. Ты чего-то перепутала!

— Точно. Сосчитала неправильно. У тебя с математикой всегда неважно было.

Оленька оскорбилась.

— Может, я и выжила из ума, но до ста я считать еще в состоянии!

— Я посчитаю, — вызвалась Светлана.

Петушки украсились новыми отметками, но и у Светланы получился тот же итог.

— Не понимаю, как такое может быть.

— А чего тут не понимать, цыпят кто-то таскает. Вряд ли это дикое животное, оно оставило бы следы. Единственное животное, которое не оставляет следов, — это человек.

— Прилично он их так-то потаскал! Если так дело пойдет, то через месяц у меня не останется ни одной птицы.

Не то чтобы Оленька сильно переживала по этому поводу. Оно бы и неплохо, если бы кто-то снял с нее бремя ответственности. Петухи, которые становились все взрослее, драчливей и крикливей, давно уже перестали производить умиленное впечатление и теперь все больше раздражали своим шумом и постоянными разборками. Им обязательно нужно было выяснить, кто из них в стаде главней. И от петушиных боев перья летели во все стороны.

Пристроить петухов в добрые руки, вот чего хотелось Оленьке. Но ей также хотелось знать, какова будет их дальнейшая судьба. Так уж была устроена Оленька, что ей было важно знать, что с ее питомцами все в порядке.

— А тут петухи исчезают в полную неизвестность. Непорядок это!

— Если вор повадился ходить в курятник, то он не остановится, пока не перетаскает их у тебя всех.

— Но я не понимаю! Калачик от вольера даже на минуточку не отходит.